

Мастера искусств Туркменистана

Сурай Мурадова

Худенькая, черноглазая девушка жадно следит за происходящим на сцене. Она прильнула к боковому занавесу, слилась с ним. Идет третий акт пьесы «Самум»...

Басмачи уже давно выбиты из села, и вот пастухи принесли весть, что где-то в песках, у дальнего колдца, их шайки окончательно разбиты. В ауле с трудом налаживается новая жизнь. Сейчас эта девушка у занавеса, — ей поручена роль сельской учительницы, — выйдет к беднякам, будет страстно говорить им об этом новом, об этой замечательной жизни, будет убеждать их — дети должны учиться...

И Сурай — это была она — решительно шагнула в ярко освещенный круг, на сцену, и очутилась в туркменской кибитке. Она битком набита народом. Пьют чай, курят. При ее появлении разговоры умолкли, — смотрят враждебно, настороженно...

— Какую мудрость принесла нам женщина? — насмешливо спрашивает один из стариков.

Сурай шагнула к нему, чтобы доказать — надо, надо вашим детям учиться!

— Ваш внук...

Но слова почему-то вдруг застряли в гортани. Нервно перекинула за спину тугую косичку. Не помогло — слов нет, не вспомнить ни одного из длинной речи, столько раз произнесенной наедине. В замешательстве Сурай прижала руки к груди, подалась вперед, к людям, которые теперь от души сочувствуют ей, ждут. Насмешливый старик делает отчаянные знаки, что-то подкашывает. Что?..

На глаза навернулись слезы — слезы отчаяния и обиды. И не сдержав их. Тогда Сурай повернулась к выходу, на секунду задержалась, все еще на что-то надеясь, и ушла. Ушла так же стремительно, как минуту назад вошла в этот манящий светлый круг.

— Все... Провал... — билось в голове.

Ее окружили, засыпали вопросами:

— Что с тобой, Сурай? Что случилось?

Прибежал режиссер — растерянный не меньше девушки, сердитый: она сошла с ума, она зарезала его без ножа!.. Что теперь делать?

За кулисами нет яркого света, нет и страшной темноты зрительного зала. К Сурай возвращается смелость, с нею — слова. Она умоляет режиссера не сердиться на нее, просит: пусть начнут спектакль сначала и тогда она скажет все — все, что надо было сказать. Честное слово, скажет!

— Ты с ума сошла, девчонка! — отшатнулся режиссер...

Так началась сценическая жизнь Сурай Мурадовой — девушки из далекого каракалинского аула. И было это четверть века назад.

Впрочем, Сурай быстро оправилась после своего столь неудачного дебюта. Начались годы непрерывного ученья, годы кропотливого, упорного труда, поиски характеров героев, стремление правдиво воплотить их на сцене. Более ста ролей за 25 лет своей творческой жизни сыграла Сурай Мурадова.

От роли к роли росло, совершенствовалось дарование актрисы, и режиссер поручал ей все более сложные образы — Заремы в «Бахчисарайском фонтане», Лиды в «Платоне Кречете», Любви Яровой в одно-

именной пьесе К. Тренева, Татьяны во «Врагах» Горького, военврача в пьесе К. Симонова «Так и будет»...

Удачи не всегда приходили сразу. Нередко в поисках нового молодая актриса оказывалась в тупике, не понимала поступки, характер той, чьей жизнью нужно жить на сцене. Надо было работать — читать, наблюдать жизнь, думать...

Много потребовала упорства и сил одна из любимых ролей Сурай Мурадовой — Любовь Яровая. В жизни Сурай не знала таких женщин, не слышала никогда и рассказов о них.

Работая над ролью, Сурай жила прошлым и в прошлом — в годы гражданской войны, когда все перемешалось в вихре боев и событий, когда сын шел против отца, жена жертвовала жизнью любимого мужа для торжества дела народа. Шла великая переоценка ценностей, в боях рождалась новая жизнь, новые люди, новые отношения. Много пришлось читать, чтобы уяснить себе сущность тех событий, которыми жила героиня, чтобы встать на ее точку зрения. И все же слова роли часто звучали фальшиво. Сурай говорила и не верила себе.

Любить мужа и... выдать его? Ненавидеть Панову и придти просить ее за других? Как это? Как думает она, Любовь Яровая? Какой могла быть у нее походка? Как она курит? Как говорит?..

Особенно не давался в роли момент, когда на глазах Любви забирают ее мужа. Ярового уводят, он кричит жене:

— Прощай, Люба!

Сурай росла вместе с ролью. Постепенно все вставало на свои места. И все же, когда спектакль показали в Москве, он не понравился. Многие было неубедительно, выполнялось формально. Вдохнуть жизнь в образ Яровой помогли замечательные русские актрисы Пыжова и Бирман. Многие они обяснили, рассказали о своей работе над этой ролью, указали путь к настоящему реализму.

После поездки в Москву стало легче работать. А вскоре к Сурай пришло признание. В 1939 году, в годовщину десятилетия Туркменского драматического театра, ей присвоили звание заслуженной артистки республики.

... Сурай устало опустилась на ковер. Сколько можно бродить? Видно, не уснуть сегодня. В доме тихо-тихо, в окнах чуть брезжит рассвет.

Заслуженная артистка республики. Вот и признали ее работу, высоко

оценили. Вспомнился провал на первом спектакле и весь тот сложный путь, которым она упрямо шла к мастерству. Туркменская женщина-актриса — у многих это не укладывалось в голове, считалось чем-то зазорным.

— Ты ошиблась в жизни, Сурай. Уходи, пока не поздно, — советовали ей.

Уйти от любимого дела? Нет. Утешала мать — сильная, смелая женщина, восставшая против старых устоев, — с пятью детьми она бежала от нелюбимого старого мужа, которому ее продали. Она говорила:

— Ничего, Сурай! Они еще все поймут.

Поймут, конечно, но когда? Надо работать...

Заслуженная артистка!.. Как это чудесно — жить и творить! И сколько у человека появляется новых сил, когда работа его признана, и сколько зарождается новых мыслей! Ширятся планы, легче осуществляются самые дерзкие мечты.

Снова работа — упорная, каждодневная. Новые роли в новых спектаклях. Среди них Хоонзада в пьесе «Бай и батрак» и Анна Андреевна в «Ревизоре». За ее разносторонней актерской работой, за ее растущим мастерством внимательно следят зрители, о ней тепло отзываются знатоки искусства.

1949 год для Сурай Мурадовой незабываем — ей присваивается звание народной артистки ТССР и вручается орден Трудового Красного Знамени.

А жизнь идет. Театр шлифует старые спектакли, работает над новыми — «Семья» И. Попова — о юности В. И. Ленина, «Семья Аллана» Г. Мухтарова из колхозной жизни, «Отелло» В. Шекспира. Новые и новые роли приходится играть во многих из этих спектаклей Сурай Мурадовой.

Часто группа Туркменского драматического театра имени И. В. Сталина выезжает в колхозы республики. Машина заполняется декорациями, ящиками с костюмами и реквизитом, и — в путь. В аулах их ждут с нетерпением. Радостные встречи, спектакли на открытой сцене — под небом, а после — долгие, душевные беседы. Колхозники хотят непременно видеть всех без грима и знать, кто кого играл, благодарят, просят приезжать почаще...

Сурай золнуют эти поездки не только потому, что это проверка творческих успехов, отчет перед народом. Ее радуют люди, с которыми она встречается, — они стали друзьями. Сурай хорошо помнит их в свои первые поездки в аулы, когда добираться приходилось на арбе, а часто — пешком, когда нужно было уговаривать, чтобы люди шли смотреть спектакль.

Иногда Сурай вспоминает об этом. Тогда ее старые друзья, те, с которыми 25 лет назад она вместе начинала сценическую жизнь, любовно шутят:

— Сурай вспомнила, что она Торе.

— «Торе»... Они все еще помнят, что я когда-то играла этого злого бая,

— улыбаются Сурай.

... Скоро в Москву. Сурай Мурадова готова к творческому отчету перед москвичами — пьеса хорошо сыграна всеми, роль Анны Андреевны отточена до мелочей, отшлифованы все детали.

И все-таки этой поездки она ждет с большим волнением; что-то скажут москвичи?

В. ПРОТАСОВА.